

УДК 821.161.1-1.Петрова «20»
DOI <https://doi.org/10.32838/2663-6069/2019.4-1/30>

Фокина С. А.

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

НОСТАЛЬГИЯ В АВТОРСКОМ МИФЕ ПОЭТА-ЭМИГРАНТА АЛЕКСАНДРЫ ПЕТРОВОЙ

У статті представлено спроба осмислення феномену ностальгії як культурно-емоційного комплексу, який зумовлює специфіку літературної свідомості емігранта. Виявлено архетипічні складові ностальгії, передбачувана парадигма поведінки та світосприйняття ностальгіка. Поставлено питання про спадкоємність в семіотичному плані статусів мандрівника та емігранта, що переживають ностальгію. Акцентована взаємозумовленість ностальгії та меланхолії. Прояснено функцію встановлення кодів «семіотики пристрастей» в ностальгійному дискурсі. Простежено прояви феномена ностальгії в знаковому ліричному сюжеті сучасного поета-емігранта Олександри Петрової. Позначено художні пріоритети творчого мислення О. Петрової як поета-емігранта та засвідчена трансгресивна специфіка її поетичної свідомості. Продемонстрована алюзійна специфіка вірша поетеси «По чаклунському острову блукаю...». Обґрунтовано вплив на авторський міф О. Петрової місця її еміграції – Італії. Проаналізовано специфіку Одиссеєва міфу, його зв'язок з «острівним сюжетом», з поведінковими стратегіями «hoto viator» та каліптічною поетикою. Акцентована роль міфологічних, семіотичних та гендерних кодів в моделюванні ліричного сюжету, а також процесі ідентифікації ліричного «я». Осмислені чинники прояву сповідальності та двойничества в акті переживання ностальгії. Двойничество в авторському міфі О. Петрової проявляється різноспрямовано. У вигляді взаємозаміни фемінінних та маскулінних кодів в обіграванні пограничності свідомості. Показова трансформація близнечного міфу як набуття альтер «его» – «словобрата». Цікавим є активація поетики масок в поетичному дискурсі О. Петрової. Виявлено значущі літературні маски (Одіссей, Каліпсо, Цирцея) в акті ідентифікації ліричного «я».

Ключові слова: ностальгія, Одиссеїв міф, ліричне «я», острівний сюжет, авторська свідомість, поет-емігрант.

Постановка проблеми. Актуальність избранного ракурса дослідження мотивована несомненим інтересом сучасного літературознавства до інтенцій творчого свідомості поетів-емігрантів і взаємозв'язанню з ними феномену ностальгії.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Ізученість феномена ностальгії уже має свої зароджуючіся традиції на стику філологічних і культурологічних підходів. В даній зв'язі стоїть згадати розділ, присвячений ностальгії в монографії Ж. Старобинського «Чернила меланхолії» [см. 10] і наукові пошуки С. Бойм, в частині її масштабного дослідження «Будуще ностальгії» [см. 2]. Зарубіжні вчені устремлені до осмислення, перш за все, історичних ностальгійних як емоційно-смыслового комплексу. В якості матеріалу для своїх досліджень і ілюстрацій ідей вибирають авторів або ставших давно класиками (Овідій, Ш. Бодлер, А. Бергсон, В. Набоков і др.), або обретають цей статус в сучасній літературній

ситуації (І. Бродський, І. Кабаков). Новаторським представляється дослідження феномена ностальгії в ліриці сучасного поета-емігранта Олександри Петрової, чье творчество починає откликати в критичній, але заслуговує більш послідовного і пристального уваги.

Ціль статті осмислити інтерпретацію феномена ностальгії авторським свідомості поета-емігранта А. Петрової.

Ізложення основного матеріалу. Тема ностальгії важлива в ліриці Олександри Петрової нарівні з гендерною темою, зазвичай розв'язується як принциповий андрогинність і взаємозаміна жіночого і чоловічого початку. Для авторського міфу Олександри Петрової показателем феномена ідентифікації при свідомій установці на її неіснуючість як в межах пола, так і в плані об'єкта ностальгії і пошуку свого істинного «я».

Незаперечною преемственностью ліричного дискурсу А. Петрової традиціям російської і європейської лірики, що було правильно підкреслено

Стефани Сандлер. В рецензии на книгу стихов «Только деревья» (2007), примечательно названной «Поэт как перемещенное лицо», отмечена определенная тенденция творчества А. Петровой. Стефани Сандлер утверждает, «... поэт укореняется в итальянской жизни, но всё с той же силой ощущает свою вечную непривязанность <курсив – С. Ф.>» [8, с. 5]. Из корпуса лирики А. Петровой в плане статуса поэта-эмигранта и темы ностальгии показательно следующее стихотворение:

<i>По колдовскому острову брожу. Случайно вынесло сюда четыре, пять, шесть, я не помню, лет.</i>	<i>Я заблудилась в середине лет, среди древних слов чешуйчато-крылатых среди лингвоклонов и химер.</i>
<i>Я их перевожу со словарём, но кости букв сыпаются в песок, дробясь в сатурновый неуловимый слог.</i>	<i>Лишь дальний голос словобрата в лесу косых лучей мне приоткроеет дверь.</i>
<i>Чужое солнце проведёт резцом морщины, ты не узнаешь, кто это в воде, где тёмное лицо женомужчины рябит, рассеиваясь в нигде.</i>	<i>Запутываясь в ветвях, так медленно, по звуко- карте, – косяк свободных птиц – ко мне пробьются первые слова, и те, что мальчик вырезал на парте и заключил в ущербленный овал [6].</i>

Тема колдовского острова помимо имплицитного обыгрывания мифологических топосов и введения в текст стихотворения литературных аллюзий, подразумевает траекторию движения по кругу. Ю. М. Лотман отмечает, что «движение по кругу имеет колдовскую, магическую, – а с средневеково-христианской точки зрения, дьявольскую – природу...» [4, с. 309]. Лотмановские идеи, несомненно, значимы в ментальном универсуме Александры Петровой, окончившей филологический факультет Тартуского университета.

В семиотическом плане показательна круглая форма острова и его связь с миром волшебства, сознательно обыгрываемая А. Петровой. Закольцованность, символизируемая кругом и потенциальными «островного сюжета», актуализирует тему вечного повторения, жизни как мифологического цикла и поиска себя в воспоминаниях о прошлом, становящихся гарантией заданности сложившейся судьбы, самоуглубления и неизбежности ностальгии.

Остров мифологически всегда представляет модель некоей инаковости, магичности и зага-

дочности, с акцентом на амбивалентном сочтении открытости и закрытости. Именно поляризация и в то же время взаимодополнение открытости / закрытости моделируют различные «островные сюжеты». Одной из таких сюжетных схем является путешествие с подразумевающимися отдалением и приближением к острову как реально географическому, так и мифологико-метафорическому объекту. Показательна мысль Т. Цивьян, что «литературный жанр путешествий был заложен путешествиями по морю, путешествиями на острова, и что образцом-клише, так сказать, “первопутешествием”, стало путешествие Одиссея» [13, с. 156]. Семиотическую модель острова определяет колдовской потенциал и связь со своеобразной путевой тематикой. Такой спектр пути в свою парадигму включает значения от «первопутешествия» Одиссея до поиска своей идентичности в осознании себя в мире, ментальных и гендерных кодах, воспоминаниях, онирической реальности. В лирическом сюжете стихотворения «По колдовскому острову брожу» поэта-эмигранта Александры Петровой таким вариантом «островного сюжета» становятся как реминисценции из «Одиссеи», так и переживание ностальгии.

Тема ностальгии традиционно связана с образом Одиссея, первого «ностальгика»¹, воплощающего тоску по родине, прошлому и в то же время обреченного на неизбежные странствия и противостояние судьбе. Характерна и эпистемологизация одиссеевского опыта путешественника как протомодели эмигранта. Авторы статьи, показательно названной «Homo viator», что в переводе с латыни означает «Человек-путник», осмыслиют культурологический статус путешествия, выявляя его семиотические коды. «“Путешествовать” означает, как минимум, “перемещаться в пространстве”. <...> Где перемещение в пространстве – там и пересечение границ. А это уже проблематика “образа Другого”: статус путешественника располагает и иногда даже вынуждает к вынесению суждений об увиденном» [11, с. 6]. Подобный рассказ соотносит различные типы повествования от фиксации реальных впечатлений и наблюдений до фантазирования. Поведенческие стратегии во взаимоотношениях с миром Homo viator, прототипом которого, несомненно, является Одиссей, могут соотноситься не только непосредственно с путешественником, но и шире с образом эмигранта. Существует также точка зрения, согласно которой Одиссей «это человек границы, который

¹ Термин введён в научный оборот Светланой Бойм.

своими путешествиями очерчивает границы греческой идентичности» [5, с. 39]. В данном плане примечательны статус «другого», нарушение границ и потребность рассказа о своих перемещениях, практическом и духовном опыте путешественника или же эмигранта – человека границы. Именно «путешествие запускает механизм рефлексии путешественника по поводу его собственной идентичности (в частности, национальной или цивилизационной / культурной)» [11, с. 6]. Вышеотмеченные нарративные практики и стремление к самоидентификации взаимосвязаны и потенциально обусловлены ностальгическим мировосприятием, определяя тяготение к исповедальному дискурсу как в очистительном, экзистенциальном, так и в познавательном и игровом планах.

Несомненной представляется взаимосвязь ностальгического чувства с миром страстей, определяющих своеобразие мировосприятия, переживающего их субъекта. К. Юханнисон прослеживает традиции рассмотрения ностальгии как одной из «болезней страстей» наравне с эротоманий, бешенством и т. д. Шведская исследовательница отмечает, что ностальгия одно из проявлений меланхолии, имеющей «пограничный характер и <...> представляет собой древнюю форму психического страдания...» [14, с. 20]. Ностальгик своей фантазией моделирует особую психическую реальность, балансирующую между острой тоской по утраченному и несбыточному и возможностью с помощью воображения преодолеть любые границы. Показательно выстраивание А. Петровой лирического сюжета как взгляда на мир через призму ностальгии. Ностальгирование лирического «я» позволяет расширить рамки своей идентификации, как с помощью обращения к одиссеевской теме, так и воссоздавая своего рода исповедь.

С точки зрения А. Ж. Греймаса и Ж. Фонтанья, «страсть обеспечивает присутствие <...> некоторого набора данных, одновременно напряженных и фигуративных, как, например, это происходит в случае ностальгии о ситуации, которая была или могла бы быть...» [3, с. 70]. В рамках лирического сюжета А. Петровой такой ситуацией становится представление о гипотетическом возвращении домой, которое, трансформируя канон одиссея мифа, оказывается для лирического «я» сознательно недостижимым. Потенциальная амбивалентность ностальгического чувства, тоски как о том, что было, так и о том, что можно вообразить и желать, открывает широкий

спектр интерпретации ностальгических проявлений. Авторы «Семиотики страстей» отмечают обеспечиваемое страстным дискурсом противоречие, возникающее между «крупными тенденциями человеческого воображения, – ожиданием и ностальгией» [3, с. 287]. Несомненная связь ностальгии со сферой воображения задает некую альтернативу для ностальгика: меланхолического переживания утраченного или же устремления к не осуществленному, но желаемому.

По замечанию Ж. Старобинского, «начало поэтике ностальгии, оказавшей столь сильное влияние на западную интеллектуальную традицию, положили несколько великих эпических либо сакральных текстов. <...> В литературной памяти Античности состояние Улисса у Калипсо становится парадигматическим образом жизни на чужбине» [10, с. 272–273]. Данное наблюдение ученого акцентирует не только связь темы Одиссея с «островным сюжетом» и феноменом ностальгии, но и высвечивает роль нимфы Калипсо в обособлении героя от мира. Замкнутость в рамках существования эмигранта неизбежно пробуждает ощущение у ностальгика утраты возможности обретения новых сближений и новой родины.

Аллюзия Одиссея на колдовском острове обыгрывается в анализируемом стихотворении А. Петровой как вариант не только ощущения тоски и одиночества, но и воплощения особой судьбы. По сути, А. Петрова в своем поэтическом тексте, видимо, сознательно контаминирует разные мифологические топосы, где во время своих странствий побывал Одиссей. Так Огигия узнается из перечисления количества лет, проведенным лирическим «я» на колдовском острове.

По колдовскому острову брожу.

Случайно вынесло сюда четыре,
пять, шесть, я не помню, лет.

Известно, что Одиссей находился в плену у Нимфы Калипсо семь лет. В то же время тема утраты памяти и сопротивления этому, отсылают к истории лотофагов, пьющих сок лотоса, дарующий забвение. Колдовским является и остров волшебницы Цирцеи, у которой также жил Одиссей. Показательно, что по наблюдению А. В. Подосинова, «начиная от лестригонов и до Сирен, маршруты плавания Одиссея совершенно невозможно начертить на современной карте» [7, с. 75]. Ученый фиксирует и факт дискуссии «о том, где находился остров Кирки Эя (в Северно-Восточном океане или в Италии)» [7, с. 76]. Но учитывая факт эмиграции А. Петровой именно в Италию, представление о существовании италийского мыса

Керкей, где хранится легендарная чаша Одиссея, можно расценивать как фактор адекватный авторскому мифу поэта-эмигранта.

О. А. Ханзен-Лёве отмечает двойничество Кирки (Цирцеи) и нимфы Калипсо. Одиссеевское пребывание на Эе и Огигии мифологи расценивают как нахождение в Иномирье, а уход от Цирцеи и Калипсо – возвращение в мир живых. В лирическом тексте Александры Петровой ностальгия отождествляется с образом замкнутого пространства – колдовским островом, и персонафицируется в фигуре нимфы Калипсо, удерживающей в плену Одиссея.

Феномен ностальгирования и тема нимфы Калипсо, «той, что скрывает» и способна даровать бессмертие, по мысли О. А. Ханзена-Лёве, прочно взаимосвязанны. «Последнее свойство Калипсо также, как ее связь с *ностальгией* мифологического героя, идеально подходит к общей модели калиптической эстетики в творчестве таких авторов, как Набоков, Мандельштам, Бродский и др., живущих и пишущих под властью ностальгии и тоски по памяти культуры и утраченному времени» [12, с. 133]. Мысль австрийского литературоведа акцентирует в творчестве авторов-эмигрантов или же тех, кто по моральным причинам могут чувствовать себя изгнанниками, связь лирико-меланхолического настроения с ностальгированием и значимость для поэтики потаенного, того, что неизменно сокрыто в подтексте.

По мнению С. Бойм, возвращение Одиссея на родину «это <...> ритуальное событие, которое не начнется и не заканчивается с ним» [2, с. 39]. Так миф об эмигранте потенциально отсылает к истории тоскующего Улисса, утрачивающего радость жизни и мысленно обращающегося к Итаке, практически не достижимой.

Осмысля фактор одиссеевской ностальгии С. Бойм, делает вывод, что «коварные колыбельные Цирцеи эхом отражаются в мелодиях дома» [2, с. 40]. Мифологическая составляющая феномена ностальгии оказывается примечательна не только страданием от невозможности возвращения и ощущением нахождения в замкнутом, заколдованном кругу, но и тайным желанием этого возвращения избежать. Показательны предчувствия опасности, разочарований, а главное моральной недостижимости возвращения домой, поскольку пространство ностальгии носит ментально-эмоциональный характер и делает призрачной реальную родину, которая к тому же за время отсутствия значи-

тельно изменилась. Ностальгик не только оканчивается в амбивалентной ситуации противоречивых желаний возвращения / невозвращения, но и внутренне ориентирован на предпочтение мира воображаемого миру реальному, где бы не находился.

В стихотворении А. Петровой альтернативой ностальгического чувства и поиска своей идентичности становится авторский миф обобретении «словобрата» – альтер эго лирического «я».

*Лишь дальний голос словобрата
в лесу косых лучей
мне приоткрывает дверь.*

Фактор введения в текст темы подобного двойничества активизирует широкие возможности интерпретации. Образ «словобрата» представляет как слиянность, так разделение единой личности на мужское и женское начало, что вполне согласуется с интенциями авторского мифа А. Петровой. Но не менее значима стратегия поиска двойника во вне авторской психосферы, в виде соотношения с конкретными или, же воображаемыми персоналиями и ипостасями. По наблюдению С. З. Агранович и И. В. Саморуковой, близнецность принципиально отличается от двойничества. Так «двойники-антагонисты сначала сходны, а потом противоположны. Близнецы же сперва предстают как антагонисты, а в конце обнаруживается идентичность их позиций и участи» [1, с. 47]. Кроме того, исследователи, акцентируя фактор соотношения в русской литературе близнецов с социальным низом, в качестве разновидности которого называют статус эмигранта. Фактор двойничества, проявляющийся в лирическом сюжете А. Петровой на уровне близнецности, в культурологическом плане соотносим с темой эмигрантов. Переживание ностальгии определяет раздвоенность сознания и стремление обрести целостность своей личности в моделируемом фантазией образе близнеца.

Стратегии отождествления взаимосвязаны с представлением о «зеркале» и поэтикой масок, определяющей, по слову Н. В. Сподарец, механизмы проявления «литературной идентификации “Я” в системе отношений с Другим, моделей перманентной трансгрессии» [9, с. 230]. В соответствии с ментальным универсумом современной поэтессы при гендерной амбивалентности лирическое «я» может идентифицироваться как с самим Одиссеем, так и его возлюбленными – хозяйками волшебных островов, а также возможен вариант слиянности мужского и женского в одну личность «женомужчины».

*Чужое солнце проведёт резцом морщины,
ты не узнаешь, кто это в воде,
где тёмное лицо женомужчины
рябит, рассеиваясь в нигде.*

Мифологемы изгнания, меланхолии и духовной устремленности домой становятся не только знаковыми для одиссея мифа, но и складываются в определенный мифопоэтический комплекс актуальный для сознания поэта-эмигранта, не забывающего свою родину и в то же время создающего ее фантазийную, идеализированную модель.

Выводы и предложения. Стихотворение Александры Петровой интересно именно переосмыслением и трансформацией ностальгических

доминант, как возведенных в ранг мифологем, так и уже успевших стать стереотипами. В лирическом дискурсе А. Петровой мифологические и литературные маски необходимы для идентификации. Изгнанничество лирического «я», в отличие от Одиссея, который вынужден жить в плену влюбленной в него нимфы Калипсо, хоть тоже мучительное, но добровольное. Видимо, согласно авторскому мифу А. Петровой страсть и самопознание не возможны без изгнания и погруженности в свои воспоминания и мечты о несбыточном.

Перспективным представляется дальнейшее исследование феномена ностальгии в лирическом дискурсе поэтов-эмигрантов.

Список литературы:

1. Агронович С. З., Саморукова Двойничество. Самара: Самарский университет. 2001. 132 с.
2. Бойм С. Будущее ностальгии. Москва: НЛЮ, 2019. – 680 с.
3. Греймас А. Ж., Фонтаний Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души. Москва: ЛКИ, 2007. 336 с.
4. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. *Семиосфера*. Санкт-Петербург: Искусство – СПб, 2004. С. 150–390.
5. Обидина Ю. С. Представления о загробном мире в контексте коллективной памяти древних греков: опыт Одиссея как человека «границы» *Вестник марийского государственного университета*. 2015. Т. 1. Вып. 1. С. 38–42.
6. Петрова А. Только деревья. Москва: НЛЮ, 2007. 120 с.
7. Подосинов А. В. Куда плавал Одиссей? *Аристей*. 2012. Вып. 5. С. 72–113.
8. Сандлер С. Поэт как перемещенное лицо: предисловие. *Только деревья*. Москва: НЛЮ, 2007. С. 5–12.
9. Сподарец Н. В. Модернизм Серебряного века: литературоведческая идентификация. Одесса : Астропринт, 2017. 452 с.
10. Старобинский Ж. Чернила меланхолии. Москва: НЛЮ, 2016. 616 с.
11. Толстиков А. В., Кошелева О. Е. Homo viator *Одиссей : Человек в истории : Путешествие как историко-культурный феномен*. Москва: Наука, 2010. С. 5–11.
12. Ханзен-Лёве О. А. Интермедальность в русской культуре: От символизма к авангарду. Москва: РГГУ, 2016. 450 с.
13. Цивьян Т. Остров, островное сознание, островной сюжет. *Язык : тема и вариации : избранное : в 2 кн. Кн. 2. : Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика*. Москва: Наука, 2008. С. 151–160.
14. Юханнисон К. История Меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь. Москва: НЛЮ, 2011. 320 с.

Fokina S. A. NOSTALGIA IN THE AUTHOR'S MYTH OF THE IMMIGRANT POET ALEXANDRA PETROVA

The article presents an attempt to understand the phenomenon of nostalgia as a cultural and emotional complex that causes the specificity of the emigrant's literary consciousness. The archetypal components of nostalgia and the supposed paradigm of nostalgic behavior and worldview have been identified. The question of continuity has been raised in the semiotic plan of the status of a traveler and an immigrant experiencing nostalgia. The mutual condition is emphasized of nostalgia and melancholia. In nostalgic discourse has been clarified the function of «passion semiotics» codes. The phenomenon of nostalgia been traced in the landmark lyrical plot of the modern poet-emigrant Alexandra Petrova. Artistic priorities are outlined of creative thinking of A. Petrova as a poet-immigrant and the transgressive specificity is attested of her poetic consciousness. The specificity of allusion has been clarified of the poem «On the Witchcraft Island Brood...». The influence is justified on the author's myth of A. Petrova of the place of her emigration – Italy. Artistic factors were analyzed among them the specifics of the Odysseus myth, its connection with the «island story», with behavioural strategies of «homo viator» and calypso poetics. The role of mythological, semiotic and gender codes is emphasized in modeling the lyrical plot, as well as the process of identifying the lyrical self. The factors of manifestation are understood of confessional and ambivalence in the act of experiencing nostalgia.

The ambivalence in the author's myth of A. Petrova manifests itself in different directions. In the form of an interchange in beating of feminine and maskulin codes the boundaries of consciousness. The transformation is indicative of the close myth as the acquisition of the alter «ego» – «wordbrother». It is of interest to activate the poetics of masks in the poetic discourse of A. Petrova. Significant literary masks (Odysseus, Calypso, Circe) have been identified in the act of identifying the lyrical «self».

Key words: *nostalgia, odyssey myth, lyrical "self," island plot, author 's consciousness, poet-emigrant.*